

ЗАВЕЩАНИЯ ВАСИЛИЯ I ДМИТРИЕВИЧА: ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ И ДАТИРОВКИ

Среди дошедших до нас завещаний московских князей три представляют собой духовные грамоты Василия I Дмитриевича, занимавшего великокняжеский стол с 1389 по 1425 г. В Российском государственном архиве древних актов они хранятся в фонде 135, опись I, разряд I, под номерами 9, 13 и 15. Кроме того, под номером 16 там числится текст, охарактеризованный его писцом (им был тот же человек, рукой которого написана грамота № 15, — Алексей Стромилев [Кучкин, 2003, с. 128]) в приписке на оборотной стороне как «[С]е список с тое грамоты, что пошла к великому князю к Витовту с Олексѣем в [л]ѣто 30 первое, з середохрестья»¹. Он совпадает с текстом грамоты № 15 [Кучкин, 2016, с. 42], следовательно, грамота № 16, по прямому свидетельству ее писца, представляет собой копию с грамоты № 15. В последнем по времени издании духовных грамот, осуществленном Л. В. Черепниным в 1950 г., грамота № 9 напечатана под номером 20, грамота № 13 — под номером 21, и грамота № 15 — под номером 22². В дальнейшем изложении при упоминании грамот будут приводиться оба номера — архивный и из издания 1950 г. — соответственно 9 (20), 13 (21) и 15 (22).

Грамота № 9 (20) датируется временем между сентябрем 1406 и июнем 1407 г. [Черепнин, 1948, с. 86–89; Кучкин, 2016, с. 34–35]³. В отношении грамоты № 15 (21) имеются прямые датирующие указания. Это уже процитированная выше приписка писца Алексея Стромилова к ее копии — грамоте № 16 («[С]е список с тое грамоты, что пошла к великому князю к Витовту с Олексѣем в [л]ѣто 30 первое, з середохрестья») и другая приписка на оборотной стороне той же грамоты, указывающая, что Алексей ездил в Литву к Витовту с митрополитом Фотием: «Список з грамоты, что поймал Олексѣи з собою в Литву, коли с митрополитом поѣхал с Фотѣем на середохрестье»⁴. Речь идет о поездке митрополита Фотия к Витовту в начале весны 1423 г.⁵ («лѣто 30 первое» подразумевает 6931 г. от сотворения мира); из летописного известия о ней следует, что сразу же вслед за митрополитом к Витовту отправилась его дочь, жена Василия I Софья вместе с наследником московского престола и внуком великого князя литовского восьмилетним Василием Васильевичем⁶. Соответственно, составление грамоты

¹ РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Разр. 1. № 16; о принадлежности приписки писцу грамоты — Алексею Стромилеву см.: [Черепнин, 1948, с. 91].

² ДДГ. № 20, 21, 22. С. 55–62.

³ Р. А. Беспалов допускает, что это завещание могло быть составлено ранее, весной 1405 г. [Беспалов, с. 147–148, примеч. 93].

⁴ РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Разр. 1. № 16.

⁵ Средокрестная неделя в 1423 г. приходилась на начало марта [Черепнин, 1948, с. 91].

⁶ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 245–246 (Московский летописный свод конца XV в., под 6930 г.): «Тое же зимы княгини великаа Софья съ сыномъ Васильемъ ездилъ къ отцу своему Витовту въ Смоленскъ, а князь великы отпустивъ ее с Москвы сам иде на Коломну, да и Фотѣи митрополитъ былъ у Витовта, а ехалъ наперед великы княгини». Сообщения о поездках Фотия и великой княгини с сыном помещены в конце статьи мартовского 6930 г., который заканчивался 28 февраля 1423 г. Можно было бы допустить, что Софья и Василий ездил к Витовту ранее марта, и, поскольку Фотий отправился прежде них, посчитать, что поездка митрополита, упомянутая в летописи, и визит, о котором говорят приписки на грамоте № 16 (начавшийся в первые дни марта 1423 г., то есть в первый месяц уже 6931 г.), — не одно и то же. Но крайне маловероятно, чтобы Фотий совершил две поездки в Великое княжество Литовское со столь небольшим интервалом: одна — зимой 1422–1423 г., другая — с начала марта 1423 г. Вояжи митрополита в западные русские земли имели целью объезд подчиненных ему епархий на территории Великого княжества Литовского и Польского королевства и длились по многу месяцев: в 1420–1421 г. около девяти (ПСРЛ. М., 1980. Т. 35 (Супрасльская летопись). С. 56), в 1423 г. — с марта до осени (в августе Фотий еще находился в Галиче, см.: Podwojdy kazimierskie 1407–1432 / Wyd. St. Krzyżanowski // Archiwum Komisji Historycznej. Kraków, 1909–1913. Т. 11. S. 424; за указание на этот источник приношу благодарность С. В. Полехову). Скорее всего, в Московском своде под 6930 г. имеет место иногда встречающееся в концовках летописных годовых статей «забегание» в начало следующего мартовского года (указание, что поездка великой княгини имела место «тое же зимы», такой трактовке не противоречит, так как на Руси считалось, что зима длится

№ 15 (22) должно относиться ко времени накануне отъезда Фотия, то есть к февралю или самому началу марта 1423 г. [Черепнин, 1948, с. 91; Кучкин, 2016, с. 45–46].

Время появления грамоты № 13 (21), писцом которой был дьяк Тимофей Ачкасов⁷, не столь ясно. Довольно долго ее считали второй в ряду завещаний Василия I, датируя по-разному в промежутке конца 1410-х — начала 1420-х годов⁸. Недавно получила распространение точка зрения, что данная грамота является третьим, последним, завещанием московского князя [Греков; Иванов, с. 85–90; Клосс, с. 118–119; Веденева, с. 18–21; Горский, 2004, с. 160–162; Мазуров, Никандров, с. 232–239; Пономарева; Горский, 2010, с. 62–64; Богданов; Полехов, с. 194–200]. Главные различия грамот № 13 (21) и 15 (22) заключаются в формулировках по поводу великого княжения и Нижнего Новгорода. В грамоте № 13 (21) о наследовании сыном Василия I Василием Васильевичем великого княжения говорится уверенно («а с(ы)на своего, княза Василья, бла(го)словляю своею вотчиною, великимъ княженьемъ, чѣмъ ма бла(го)словиль мои от(е)ць»)⁹, а о Нижнем Новгороде неопределенно — так, будто Василий I на момент составления завещания им не владел: «А оже ми дасть Богъ Новъгородъ Нижнии, и азъ и Новымъгородомъ Нижнимъ благ(о)словляю с(ы)на своего, княза Василья, со всѣмъ»¹⁰. В грамоте № 15 (22) ситуация обратная: пункт о великом княжении звучит неопределенно («А дасть Богъ с(ы)ну моему великое княжение, ино и аз с(ы)на своего бла(го)словляю, княза Василья»)¹¹, а о Нижнем Новгороде — уверенно: «А с(ы)на своего, княза Василья, бла(го)словляю своими примысли, Новымъгородомъ Нижнимъ со всѣмъ...»¹². Пересмотр последовательности грамот в пользу более позднего происхождения грамоты № 13 (21) связан в первую очередь с данными о княжении в Нижнем Новгороде, ранее отошедшем к Василию I по ярлыку хана Тохтамыша в 1392 г., князя из местной династии — Даниила Борисовича. В жалованной грамоте Даниила Нижегородскому Благовещенскому монастырю на земли в Посурье (территория Нижегородского княжества), дошедшей в списках XVII–XVIII в., говорится: «А дана грамота маиа в 8 того лета, коли князь великий Данило Борисович вышел на свою отчину от Махметя царя в другой ряд»¹³. Отсутствующая в списке дата фигурирует в содержащемся в правой грамоте 1628 г. перечне грамот, выданных Благовещенскому монастырю: «...список з грамоты великого князя Данила Борисовича 6950-го году»¹⁴. Но датировка грамоты 6950, то есть 1442, годом опровергается текстом молитвы, прочитанной над гробом Даниила Борисовича¹⁵: она зачитывалась от лица митрополита Фотия, умершего 2 июля 1431 г.¹⁶ Очевидно, что дата, приведенная в правой грамоте 1628 г., ошибочна. Хан Улуг-Мухаммед, упоминаемый в жалованной грамоте Даниила, воцарился в Орде в 1421 г. [Сафаргалиев, с. 194–197]. Следовательно, передача им Нижнего Новгорода Даниилу Борисовичу имела место в 1420-е годы. Причем это произошло, скорее всего, до 1428 г., которым датируется договорная грамота Василия II Васильевича с его дядей Юрием Дмитриевичем, поскольку в ней Нижний Новгород безоговорочно отнесен к великокняжеским владениям¹⁷.

до Благовещения — 25 марта [Каменцева, с. 45]), см.: ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1 (Рогожский летописец). Стб. 143 (6889 мартовский год), 155–156 (6896 мартовский год); Т. 25. С. 206 (6889 мартовский год) (о более ранних подобных случаях см. [Горский, 2000, с. 15–16]). Таким образом, отъезд великой княгини на встречу с отцом следует относить к промежутку времени между 7 марта, когда окончилась средокрестная неделя, на которой в Литву отправился митрополит, и 25 марта 1423 г.

⁷ ДДГ. № 13. С. 59.

⁸ См. обзор мнений: [Черепнин, 1948, с. 88–90], а также: [Зимин, с. 292–293].

⁹ ДДГ. № 21. С. 58.

¹⁰ Там же. № 21. С. 59.

¹¹ Там же. № 22. С. 61.

¹² Там же.

¹³ АФЭХ. М., 1951. Ч. 1. № 233. С. 205.

¹⁴ АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 294. С. 320–321.

¹⁵ Пудалов Б. М. Нижегородское Поволжье в первой половине XV века // Городецкие чтения. Городец, 2000. Вып. 3. С. 100–102.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 248.

¹⁷ ДДГ. № 24. С. 64, 66.

Уточнить время перехода Нижнего Новгорода к Даниилу помогает описание пергаменного сборника, составленного «в лето 6932 месяца января 20... при благоверном князе Даниле Борисовичи, при освященном митрополите Фотии Киевском и всея Руси Иосифу архимандриту Печерскому»¹⁸ (то есть для архимандрита Нижегородского Печерского монастыря). 20 января 6932 г. — это либо 1424 г. (если использован сентябрьский стиль летосчисления), либо 1425 г.

(если запись дана по мартовскому стилю). Таким образом, правление Даниила Борисовича в Нижнем Новгороде приходится на самый конец княжения Василия I, на время *после* составления грамоты № 15 (22). Естественно полагать, что именно потеря Нижнего Новгорода привела к тому, что в грамоте № 13 (21) о владении им Василием Дмитриевичем и о передаче сыну сказано неопределенно, в форме пожелания. С другой стороны, в летописном рассказе о споре Василия II и его дяди Юрия Дмитриевича в Орде при дворе Улуг-Мухаммеда о великом княжении в 1432 г. упоминается «жалование» ханом великого княжения Василию Васильевичу при жизни Василия I¹⁹. Улуг-Мухаммед в 1423—1424 г. не раз скрывался, гонимый своими соперниками в борьбе за ордынский престол, в Литве у своего союзника Витовта, и очень вероятно, что ярлык для Василия Васильевича был получен именно тогда, по согласованию хана и великого князя литовского (возможно, во время поездки в Литву Софьи Витовтовны с сыном весной 1423 г.)²⁰. Благодаря этому ярлыку и поддержке Витовта в грамоте № 13 (21) Василий I и смог уверенно зафиксировать переход к сыну великого княжения — в то время как ранее он не делал этого из-за позиции своих братьев, в первую очередь Юрия, опиравшегося на норму завещания Дмитрия Донского, гласившую, что в случае смерти Василия его «удел» должен достаться следующему по старшинству брату²¹. Грамота № 13 (21), таким образом, могла быть составлена между серединой 1423 и началом 1425 г.²² Она была скреплена печатью Василия I, его братьев, Андрея, Петра и Константина, и великого князя литовского Витовта, тогда как к грамоте № 15 (22) привешена только печать Витовта [Полехов, с. 193—194], что может свидетельствовать о том, что она осталась проектом, который не был утвержден Василием Дмитриевичем, поскольку обстоятельства, открывшиеся после поездок в Литву Фотия и Софьи с Василием Васильевичем, побудили к составлению нового завещания²³.

Однако до последнего времени не было проведено полного сопоставления текстов грамот № 13 (21) и 15 (22). Такую задачу поставил В. А. Кучкин. Причем он сравнил как тексты грамот № 13 (21) и 15 (22), так и обе эти грамоты с грамотой № 16, охарактеризованной, напомним, ее писцом (он же писец грамоты № 15) как «список с» грамоты № 15. Вначале В. А. Кучкин сопоставил грамоты № 13 (21) и 15 (22) и пришел к выводу о более позднем создании грамоты № 15 (22). Затем он сравнил тексты двух этих грамот с грамотой № 16

¹⁸ См.: *Беляева О. К.* К вопросу об использовании памятников древнерусской письменности в старообрядческих политических сочинениях первой четверти XVIII в. // *Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма.* Новосибирск, 1990. С. 15; *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 210—211.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 249.

²⁰ Подробно об этом см.: [Горский, 2000, с. 137—139]. В этом свете понятно и пожалование Улуг-Мухаммедом Даниилу Борисовичу Нижнего Новгорода. Само по себе оно было бы недружественным актом по отношению к Василию I, причем ничем не оправданным, так как никаких конфликтов с этим ханом у великого князя не было (как затем и у Василия II до 1437 г.), его признавали в Москве законным «царем». Но если оба ярлыка — и Василию Васильевичу на великое княжение, и Даниилу Борисовичу на Нижний Новгород — жаловались одновременно, то перед нами действие, типичное для политики ордынских ханов: идя навстречу сильнейшему из своих русских вассалов в вопросе о великом княжении, Улуг-Мухаммед одновременно ослаблял его изъятием части владений; при этом и московские князья, и Даниил Борисович оказывались хану обязаны.

²¹ ДДГ. № 12. С. 35.

²² Василий Дмитриевич умер 27 февраля 1425 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 246).

²³ Примечательно, кроме того, что в составленном при Василии II сборнике, куда вошли духовные грамоты его предшественников (РНБ. Q.XVII.58, см. описание: [Черепнин, 1951, с. 351—352]), помещена копия грамоты № 13 (21) (Л. 43—43 об., 63—65), из чего следует, что именно она считалась действующим завещанием Василия I [Пономарева, с. 106—107]. См. также аргументы в пользу более позднего составления грамоты № 13 (21), связанные с различием в списке свидетелей между ней и грамотой № 15 (22) [Мазуров, Никандров, с. 232—239; Пономарева].

и сделал вывод о большей близости грамоты № 13 (21) именно к ней, а не к грамоте № 15 (22). Исходя из ранее сделанного заключения о более раннем происхождении грамоты № 13 (21) по отношению к грамоте № 15 (22), исследователь пришел к утверждению, что грамота № 16 занимает промежуточное положение между грамотами № 13 (21) и 15 (22). Из этого, в свою очередь, последовал вывод, что она является не копией с грамоты № 15 (22), а ее черновым вариантом. Общие выводы автора о последовательности работы над двумя последними завещаниями Василия I следующие. Сначала, во второй половине 1420 — начале 1421 г., была написана грамота № 13 (21), затем в начале 1423 г. — грамота № 16, которая была черновиком для написанной на ее основе в феврале 1423 г. грамоты № 15 (22). Последняя стала заключительным, действующим завещанием Василия Дмитриевича. Различия в формулировке статей о великом княжении и Нижнем Новгороде в грамотах № 13 (21) и 15 (22) В. А. Кучкин истолковывает иначе, чем сторонники более позднего появления грамоты № 13 (21). При составлении грамоты № 13 (21) о принадлежности Нижнего Новгорода было сказано неопределенно, так как в это время брат Василия I Константин и троюродные братья — серпуховские Владимировичи (сыновья двоюродного брата Дмитрия Донского Владимира Андреевича) претендовали на части нижегородской территории; позже, в 1423 г., при составлении грамоты № 15 (22) великий князь эти претензии отверг. В то же время в грамоте № 15 (22) он вернулся к неопределенной формулировке относительно великого княжения (как это было в первой духовной грамоте — 1406—1407 г.), под давлением родственников — своих братьев и тех же Владимировичей [Кучкин, 2016].

Для оценки данных выводов обратимся к разночтениям сопоставляемых текстов.

1. Грамота № 13 (21)²⁴ и грамота № 15 (22)²⁵.

В грамоте № 13 (21): «А стада кобыльи моеи княгинѣ с моимъ с(ы)номъ наполю». В грамоте № 15 (22): «А стада мои кобыльи с(ы)ну моему, князю Василью, с моею княгинею наполю». В. А. Кучкин интерпретирует различие таким образом: «В жизни каждой семьи наблюдаются две фазы развития. Первая фаза характеризуется заботой старших о подрастающем поколении, вторая фаза — опекой подросшим поколением старшего. Именно такую разницу отразили формулировки статьи 29 о разделе кобыльих стад в последних завещаниях Василия I: в одном случае эти стада должна была делить наследница-мать, во втором — повзрослевший наследник-сын. Текст, фиксирующий инициативу княгини-матери при делении кобыльих стад, должен быть признан более ранним. Это текст грамоты № 13» [Кучкин, 2016, с. 37]. Однако во время составления грамоты № 15 (22) (февраль 1423 г.) Василию Васильевичу не исполнилось еще восьми лет²⁶, и считать его взрослым, способным самостоятельно заботиться о старшем поколении, невозможно. Разница в формулировках, не меняющая сути статьи, вряд ли имела под собой столь серьезные основания.

В грамоте № 13 (21): «А тѣ волости и села княгинѣ моеи до ее живота, а по ее животѣ ино с(ы)ну моему, князю Василью, опроче Гжели да Семциньского села, да ее прикупа». В грамоте № 15 (22): «А тѣ волости и села княгинѣ моеи до ее живота, опроче Гжели, да Семциньского села, да ее прикупа и примысла, а по ее животѣ ино с(ы)ну моему, князю Василью». Верен текст грамоты № 13 (21), поскольку из других мест грамот № 13 (21) и 15 (22), а также из завещания самой великой княгини Софьи Витовтовны, составленного в 1451 г., следует, что Гжеля, Семчинское и прикупные земли оставались ее владением²⁷. В. А. Кучкин из этого делает вывод, что текст грамоты № 15 (22), где данная статья изложена нечетко, более поздний, чем

²⁴ ДДГ. № 21. С. 57–59.

²⁵ Там же. № 22. С. 60–62. Сопоставляемые статьи приводятся в том порядке, в котором они рассматриваются В. А. Кучкиным.

²⁶ Он родился 10 марта 1415 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 241).

²⁷ ДДГ. № 21. С. 58, 59; № 22. С. 60, 61; № 57. С. 176.

ясный текст грамоты № 13 (21) [Кучкин, с. 37–38]. Однако возможно и иное объяснение: в грамоте № 15 (22) была допущена неточность, которая позже оказалась исправлена при составлении грамоты № 13 (21).

В грамоте № 13 (21): «А княгинѣ моеи ис Костромы Иледамъ и с Обнорою, и с Комелою, и с Волочкомъ, да Нерехта, и с варницами, и с бортники, и с бобровники, и со Княгининьскимъ селомъ». В грамоте № 15 (22): «[А] княгинѣ моеи ис Костромы Иледамъ с Комелою и з Волочком, и с Обнорою, да Нерехта, и с варницами, и со Княгининьским селом, и з бортники, и з бобровники». В. А. Кучкин отмечает, что в грамоте № 13 (21) эти волости указываются в строгой географической последовательности, а в грамоте № 15 (22) географически точный перечень тех же волостей с юго-востока на северо-запад нарушен. Кроме того, в грамоте № 13 (21) бортники и бобровники отнесены к волости Нерехте, а в грамоте № 15 (22) — к селу Княгининскому. Правильно чтение грамоты № 13 (21), так как промысловые места сборщиков меда и охотников на бобров организовывались на значительных территориях, какими обладала волость, а не отдельное село. Эти расхождения В. А. Кучкин трактует как ошибки переписчика, работавшего с грамотой № 13 (21) [Кучкин, 2016, с. 38]. Но столь же вероятно, что в грамоте № 15 (22) эти неточности были допущены в спешке, а при составлении грамоты № 13 (21) исправлены.

Грамота № 13 (21): «Да свои же примысль даю ей на Бѣлѣозерѣ слободка, што была княжа Васил(ь)ева Семеновича, да на Вологдѣ Оухтюшка, да Брюховская слободка, да Федоровские села Свибловы, да свои примысль и прикупъ на Вологдѣ и на Тошнѣ. А што ее прикупъ и примысль, а то ее и есть». Грамота № 15 (22): «Да на Бѣлѣозерѣ слободка, што была княжа Васильева Семеновича, да на Вологдѣ Оуктюжка, да Брюховская слободка, да Федоровские села Свибловы, да свои прикуп на Вологдѣ и на Тошнѣ. А что ее прикуп и примысль, а то ее и есть». В. А. Кучкин констатирует, что в грамоте № 13 (21) статья подробнее, там объясняется, как слободка на Белоозере попала к Софье Витовтовне, кроме того, в обороте грамоты № 13 (21) есть сказуемое и дополнение («даю ей»), чего нет в грамоте № 15 (22). Согласно выводу автора, «невозможно объяснить, каким образом и с какой целью в позднем документе появились более точные исторические подробности, пояснения и сказуемое с дополнением, чего не было в документе предшествовавшем. Как правило, позднейшая обработка письменных источников приводит к удалению мелких частных, важных только для современников событий» [Кучкин, 2016, с. 38–39]. Однако обе грамоты разделяло, по мнению В. А. Кучкина, всего два года, и современниками событий были одни и те же люди; соответственно, невозможно объяснить как раз, почему «мелкие частности» были важны в 1420–1421 г., но перестали иметь значение в начале 1423 г. Ничто не мешает, следовательно, предполагать, что в данном случае в более позднюю грамоту были внесены уточняющие дополнения.

Грамота № 13 (21): «да на Оустюзѣ даю ей (Софье Витовтовне. — А. Г.) Федоровские деревни Свибловы, да Ивановские Головина, да Тутолминские, што прикупил мои поселский Григорей Горбищевъ, што мои примысль». В грамоте № 15 (22): «Да на Оустюзѣ Федоров[с]кие же деревни Свибловы да Головинские деревни мои примысль». По мнению В. А. Кучкина, в грамоте № 15 (22) были опущены сказуемые, как и «некоторые исторические детали, вероятно, уже устаревшие» [Кучкин, 2016, с. 39]. Как могли устареть исторические детали всего за два года, остается неясным. Но важнее другое. Избыточный текст грамоты № 13 (21) фиксирует не детали, а существенное добавление к владениям великой княгини «на Устюге» — «Тутолминские» деревни, с указанием, что их купил «посельский» Василия I Григорий Горбищев. Это не пояснение к «Федоровским Свибловым» и «Ивановским Головина» (то есть ранее принадлежавшим Федору Свибло и Ивану Головину) деревням, а третья составная часть

владений в районе Устюга, передаваемых великой княгине. «Тутолминские», как и «Федоровские Свибловы» и «Ивановские Головина», является указанием на прежнего владельца²⁸. То есть перед нами не «устаревшая деталь», которая могла быть опущена, а новая реальность: очевидно, покупка «Тутолминских деревень» произошла в промежуток между составлением грамоты № 15 (22) и грамоты № 13 (21). Таким образом, эта статья свидетельствует в пользу более позднего составления грамоты № 13 (21). При противоположной точке зрения придется либо предполагать, что в период между составлением грамоты № 13 (21) и грамоты № 15 (22) Василий решил отменить передачу Софье «Тутолминских деревень», либо допускать, что в грамоте № 15 (22) допущена грубая ошибка — указание на это пожалование оказалось пропущено²⁹. И то и другое крайне маловероятно. На вторичность текста данной статьи в грамоте № 13 (21) указывает и еще одно обстоятельство. В обоих завещаниях Василия Дмитриевича, как и в предшествующих духовных грамотах московских князей, строго разделяются два вида приобретений — «прикупы» (то есть владения, приобретенные путем покупки) и «примыслы» (добытые иными способами)³⁰. «Тутолминские деревни» «прикупил» великокняжеский «посельский», следовательно, они являлись «прикупом». Но в грамоте № 13 (21) после упоминания этого приобретения и его способа присутствует иная характеристика — «што мои примысль». Эта неточность может объясняться только вставным характером упоминания «Тутолминских деревень» в грамоте № 13 (21). В грамоте № 15 (22) слова «мои примысль» относились к «Федоровским Свибловым» и «Головинским» деревням, что соответствовало действительности, так как известно, что владения боярина Федора Свибло были Василием I не куплены, а конфискованы («отоиманы»)³¹. Писец грамоты № 13 (21) вставил упоминание о «Тутолминских деревнях», но поместил его не после слов «мои примысль» (что было бы верно), а перед ними, в одном перечне с «Федоровскими Свибловыми» и «Ивановскими Головина» — под влиянием того факта, что речь шла о владениях в одном регионе (на Устюге) и одного типа (деревнях).

В грамоте № 15 (22) после слов «да Доброе село» (под Переяславлем) добавлено: «А что ее прикупъ и примысль, а то ее и есть». В данном случае текст грамоты № 15 (22) более подробен, что, по логике В. А. Кучкина, должно свидетельствовать о ее более раннем происхождении. Но исследователь трактует этот случай как «позднейшее дополнение в текст» по сравнению с грамотой № 13 (21). Такое дополнение, по его мнению, может говорить о том, что грамота № 15 (22) «составлялась специально для ее утверждения литовским великим князем Витовтом, поскольку в этом завещании расширились права на земли его дочери Софьи» [Кучкин, 2016, с. 39]. Однако, во-первых, грамота № 15 (22) по сравнению с грамотой № 13 (21) бóльших земельных прав Софьи не обнаруживает (напротив, в приведенной выше статье о передаваемых ей владениях «на Устюге» в грамоте № 13 (21) фигурируют «Тутолминские деревни», которых грамота № 15 (22) не фиксирует). Во-вторых, грамота № 13 (21) тоже должна была быть утверждена Витовтом, и это было осуществлено (к грамоте подвешена его печать) [Полехов, с. 191–192].

²⁸ Вероятнее всего, это Иван Тутолма, родоначальник Тутолминых, время деятельности которого приходится как раз на начало XV в. (Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 148, 171, 193). Упоминания землевладельцев Тутолминых во второй половине XV в. см.: АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 456. С. 343; М., 1956. Т. 2. № 295. С. 251; Т. 3. № 475. С. 459; АФЭХ. Ч. 1. № 128, 129, 130, 131. С. 118–121.

²⁹ В. А. Кучкин считает, что в промежуток между составлением грамоты № 13 (21) и грамоты № 15 (22) великий князь утратил «Тутолминские деревни» — мог обменять их, продать или отдать кому-либо во владение [Кучкин, 2016, с. 47]. Но возможность таких действий по отношению к землям, уже предназначенным великой княгине (с фиксацией в документе), представляется крайне сомнительной.

³⁰ ДДГ. № 21. С. 58: «А што ее прикупъ и примысль, а то ее и есть» (эта норма повторяется трижды); «А што покупила на Москвѣ и што ее примысль, то ее и есть»; «да свои примысль и прикупъ на Вологдѣ и на Тошнѣ». Ср.: Там же. № 22. С. 60–61. Упоминания «прикупов» и «примыслов» в завещаниях Ивана Калиты, Семена Ивановича, Дмитрия Донского и первой духовной Василия Дмитриевича см.: Там же. № 1, 3, 8, 12, 20. С. 10, 12, 14, 25, 33–36, 56.

³¹ Там же. № 20. С. 57.

Грамота № 13 (21): «А перемѣнит Богъ Орду, и кнагини моя емлетъ себѣ ту дань, а с(ы)ну моему, князю Василью, не вступатися». Грамота № 15: «А перемѣнитъ Богъ Орду, и кнагини моя емлетъ ту дань собѣ, а с(ы)нъ мои, князь Василей, не вступаетса». В. А. Кучкин отмечает, что запрет, налагаемый на сына-наследника, выражен в грамоте № 13 (21) безличным предложением, а в грамоте № 15 (22) — личным. В грамоте № 13 (21) есть еще одна статья, где запрет сыну выражен в форме безличного предложения, и в соответствующей статье грамоты № 15 (22) также читается безличное предложение. Из этого он делает вывод, что в рассматриваемой статье безличное предложение заменено в грамоте № 15 (22) на личное [Кучкин, 2016, с. 39]. Рискованность подобных выводов на основе несовпадения или совпадения таких «микроэлементов» текста видна из сопоставления данной статьи с первым завещанием Василия Дмитриевича (1406—1407 г.). Там читается: «А перемѣнит Богъ татаръ, и кнагини моя емлетъ с тѣхъ волостей и съ сель дань себѣ, а сыну моему, князю Ивану, так же в ту дань не вступатися»³². Чтение «не вступатися» совпадает с грамотой № 13 (21), и можно было бы полагать, что она занимает положение между завещанием 1406—1407 г. и грамотой № 15 (22), где читается «не вступаетса». Но чтение «емлетъ... дань себѣ», напротив, совпадает с грамотой № 15 (22) («емлетъ ту дань собѣ»), а в грамоте № 13 (21) порядок слов иной: «емлетъ себѣ ту дань», и, соответственно, напрашивается предположение о более позднем поновлении текста в грамоте № 13 (21) по сравнению с грамотой № 15 (22). Очевидно, что такого рода мелкие расхождения между текстами не могут быть основанием для выводов об их хронологической последовательности.

В грамоте № 13 (21) сказано, что Василию Васильевичу отходит «лугъ Великий оу города оу Москвы за рѣкою», а в грамоте № 15 (22) — «лугъ Великий за рѣкою оу города оу Москвы». Порядок слов в грамоте № 13 (21) совпадает с текстом первого завещания Василия I («лугъ Великий противу города за рѣкою»³³). Из этого В. А. Кучкин делает вывод о большей древности грамоты № 13 (21) по отношению к грамоте № 15 (22) [Кучкин, 2016, с. 39—40]. О данном фрагменте можно сказать то же, что и о предыдущем: подобные совпадения с первой духовной встречаются как в грамоте № 13 (21), так и в грамоте № 15 (22), и на их основе сказать, какая из этих грамот более ранняя, невозможно³⁴.

В грамоте № 13 (21): «А бла(го)словляю своего с(ы)на, князя Василья, своею вотчиною, чѣмъ ма бла(го)словил от(е)ць мои, третью Москвы и с путми, своими жеребьи». В грамоте № 15 (22) тот же оборот передан с небольшим изменением: «А бла(го)словляю своего с(ы)на, князя Василья, своею вотчиною, чѣмъ ма бла(го)словил от(е)ць мои, третью Москвы и с путми, с моими жеребьи». В. А. Кучкин справедливо отмечает, что формулировка «своими жеребьи» точнее, чем «моими жеребьи». Но это может свидетельствовать как о «поздней лексической замене» [Кучкин, 2016, с. 40], так и о неточной формулировке, затем, в грамоте № 13 (21), исправленной.

В грамоте № 13 (21) среди ценных предметов, завещавшихся Василию, упомянуто «каменное судно большее, што ми от великого князя от Витовта привезлъ князь Семень». В грамоте № 15 (22): «каменное судно велико, что ми от велико[го к]наза от Витовта привезлъ князь Семен». По мнению В. А. Кучкина, «слово “велико” в русском языке более значимый эпитет, чем эпитет “большее”. Видимо, московский великий князь хотел лишний раз продемонстрировать своему тестю, насколько высоко он ценит его подарок и признателен ему за подношение великокняжеской семье своей дочери Софьи» [Кучкин, 2016, с. 40]. Но

³² Там же. № 20. С. 56.

³³ Там же.

³⁴ К тому же нельзя исключить, что писец третьего завещания мог сверяться не только с текстом второго, но и с первой духовной грамотой Василия Дмитриевича.

в Средневековье слова «великий» и «большой» не имели тех различий, что существуют ныне (великий — ‘выдающийся’, большой — ‘крупный по размерам’). Оба могли означать и ‘крупный по размерам’, и ‘более значительный, чем другие’³⁵. Таким образом, о большей значимости формулировки в грамоте № 15 (22) говорить нельзя.

В грамоте № 15 (22) в статье, посвященной выплате дани с владений, передаваемых великой княгине Софье, имеется описка: «дань по рочту», в то время как в грамоте № 13 (21) правильно читается «дань по розочту». В. А. Кучкин пишет, что «описка — вторичного происхождения, и она свидетельствует о первичности текста грамоты № 13» [Кучкин, 2016, с. 40]. Первое утверждение вполне справедливо, поскольку подобная ошибка — пропуск слога — происходила, как правило, при списывании с более раннего текста. Но это не значит, что таким текстом была грамота № 13 (21). Дело в том, что аналогичная статья имеется в первой духовной грамоте Василия Дмитриевича (1406–1407 г.): «А коли придет дань или тамъ, и княгини мога дать с тѣхъ волостей и съ сель по розочту, што ся имет»³⁶. Соответственно, во время составления грамоты № 15 (22) ошибка могла произойти при переписывании данной статьи из первого завещания, а позднее, при составлении грамоты № 13 (21), эта неточность была исправлена.

В грамоте № 13: «А волостели свои и тиоуни, и доводъщики судить княги мога сама»³⁷. В грамоте № 15: «А волостели свои и тиоуни, и доводъщики судит сама». По мнению В. А. Кучкина, допущенная в грамоте № 13 (21) описка (пропуск двух последних букв в слове «княгини») привела к пропуску чтения «кнагимога» в грамоте № 15 (22) [Кучкин, 2016, с. 40]. Такой вариант возможен, но допустим и обратный: грамота № 15 (22) прямо не упоминала в этой статье княгиню (что речь идет именно о ней, было ясно из предыдущей статьи — «А перемѣнить Богъ Орду, и княгини мога емлет ту дань собѣ, а с(ы)нѣ мои, князь Василей, не вступаетса»), а при составлении грамоты № 13 (21) было вставлено уточняющее дополнение, но при этом писец допустил описку.

Московские приобретения в Бежицком Верхе в грамоте № 13 (21) характеризуются как «прадѣда своего примысль», а в грамоте № 15 как «дѣда своего примысль». Правильно чтение «прадѣда», так как речь идет о приобретениях Ивана Калиты. В. А. Кучкин считает, что это говорит в пользу вторичности грамоты № 15 (22) [Кучкин, 2016, с. 40]. Но с такой же долей вероятности можно допустить, что в грамоте № 15 (22) была допущена в спешке ошибка, исправленная при составлении грамоты № 13 (21).

Суммируя текстуальные расхождения грамот № 13 (21) и 15 (22), можно сказать, что для большинства из них возможны два объяснения: 1) грамота № 15 (22) основана на тексте грамоты № 13 (21), но при ее составлении были допущены ошибки (версия В. А. Кучкина); 2) грамота № 15 (22) появилась раньше, составлялась в спешке, содержала неточности и неудачные формулировки, а грамота № 13 (21) писалась позже, в более спокойной обстановке, и в ней эти неточности были целенаправленно устранены, а также внесены некоторые добавления³⁸. Вторая версия может быть объяснена обстоятельствами, имевшими место в

³⁵ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988. Т. 1. С. 289–290, 384–386.

³⁶ ДДГ. № 20. С. 56.

³⁷ В издании Л. В. Черепнина после «кнаги» добавлено отсутствующее в тексте грамоты «ни» без оговорки.

³⁸ В. А. Кучкин исходит из посылки, что позднейшие грамоты, как правило, сокращают текст, а не вносят новые подробности [Кучкин, 2016, с. 39]. Но случаи, когда более поздняя грамота содержит добавления по отношению к предшествующей, нередки. Так, вторая духовная грамота Ивана Калиты имеет ряд избыточных чтений в сравнении с первой (см.: Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. Первая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 1 (31). С. 95–108; *Его же*. Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 129–132), но это не побуждает исследователей помянуть представление об их последовательности. Что касается возможности правки текста более ранней грамоты, то в данном конкретном случае в великокняжеской канцелярии должны были осознавать ее необходимость, так как нечеткость оформления грамоты № 15 (21) выглядела очевидной.

последние годы правления Василия I: с грамотой № 15 (22) должен был ехать к Витовту вместе с митрополитом Фотием ее писец Алексей Стромилон, и завещание составлялось на скорую руку. Но одно из расхождений не поддается альтернативной трактовке. В грамоте № 13 (21) имеется существенное содержательное дополнение к грамоте № 15 (22): добавлены в число передаваемых великой княгине владений в районе Устюга «Тутолминские деревни». Исходя из мнения о более позднем появлении грамоты № 15 (22) объяснить исчезновение в ней этого пожалования крайне затруднительно, но важнее другое: упоминание «Тутолминских деревень» в грамоте № 13 (21) содержит признаки вставки, приведшей к серьезной неточности в ее тексте — приобретение, являвшееся «прикупом», оказалось названо «примыслом».

2. Грамота № 13 (21)³⁹, № 15 (22)⁴⁰ и № 16⁴¹

В. А. Кучкиным выявлены несколько случаев совпадения грамоты № 16 с грамотой № 13 (21) при отличающемся чтении грамоты № 15 (22) [Кучкин, 2016, с. 42]:

Грамота № 13 (21)	Грамота № 15 (22)	Грамота № 16
село Островское и с Орининскимъ	село Островское с Орининскимъ	село Островское и с Орининскимъ
новой дворъ за городомъ	за городом новой дворъ	новой дворъ за городомъ
въ Юрьевѣ же село Фроловское	въ Юрьевѣ село Фроловское	въ Юрьевѣ же село Фроловское
А с(ы)на же своего, князя Василья, бла(го)словляю своимъ же примысломъ Муромомъ	Да своим же примыслом бла(го)словляю с(ы)на своего Муромомъ	Да своим же примыслом Муромомъ благословляю* с(ы)на своего
А что есмь ей подавалъ села в Новѣгородѣ	А что есмь ей подавал село въ Новѣгородѣ	А что есмь ей подавал села в Новѣгородѣ

* Так в рукописи: буквы г над строкой под титлом, как в других случаях написания слова «благословляю» в грамоте № 16, в данном месте нет.

Помимо этого, можно отметить еще пять случаев совпадения чтений грамоты № 16 и грамоты № 13 (21), в которых имеет место совпадение написания отдельных букв:

Грамота № 13 (21)	Грамота № 15 (22)	Грамота № 16
да Белеутовские села	да Белеутовские села	да Белеутовские села
черницѣ Софьѣ	Софьѣ черницѣ	Софьѣ черницѣ
да на Вологдѣ Оухтюшка	да на Вологдѣ Оухтюшка	да на Вологдѣ Оухтюшка
и с Волочкомъ	и з Волочком	и с Волочком
А ис Переяславля княгинѣ же моеи Юлька	А ис Перьяславля княгинѣ же моеи Юлка	А ис Перьяславля княгинѣ же моеи Юлька

К перечисленным десяти случаям следует добавить отмеченную В. А. Кучкиным [Кучкин, 2016, с. 43] опisku в грамоте № 15 — «своеи кнакнагинѣ»; в грамотах № 13 (21) и № 16 правильное чтение «своеи кнагинѣ».

Такое значительное число совпадений бесспорно свидетельствует, что именно грамота № 13 (21) и грамота № 16 были непосредственно связаны друг с другом⁴². Если грамота

³⁹ ДДГ. № 21. С. 57–59.

⁴⁰ Там же. № 22. С. 60–62.

⁴¹ РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Разр. 1. № 16.

⁴² Обратный пример — совпадение грамоты № 13 (21) и грамоты № 15 (22) при ином чтении грамоты № 16 — встречается всего в двух местах. В последней имеет место описка — «село Иваноивановское», в то время как в грамотах № 13 (21) и 15 (22) верно читается «село Ивановское». В статье о Нижнем Новгороде в грамотах

№ 16 — черновик грамоты № 15 (22), как считает В. А. Кучкин, то возможны два варианта: 1) сначала написана грамота № 16, затем на ее основе грамота № 15 (22), а позже при составлении грамоты № 13 (21) ее писец работал не с оригиналом предшествующего завещания, а с его черновым вариантом — грамотой № 16, отсюда большее совпадение именно с ней; 2) вначале создана грамота № 13 (21), затем на ее основе грамота № 16, потом на основе последней грамота № 15 (22) (версия В. А. Кучкина [Кучкин, 2016, с. 42–43]). Однако насколько основательны аргументы для предположения, что грамота № 16 является черновиком грамоты № 15 (22)? В. А. Кучкин приходит к этому выводу, отталкиваясь, как от доказанного, от своего ранее сделанного заключения о более раннем происхождении грамоты № 13 (21) по отношению к грамоте № 15 (22), для чего, как говорилось выше, текстологических оснований нет. Если же брать расхождения между собственно грамотами № 15 (22) и 16, то они не дают аргументов для утверждения о первичности одной из них. Различия, касаемые отдельных букв (село въ — села в, Белеутовские — Белеутовские, Софѣѣ — Софѣѣ, Оухтюжка — Оухтюшка, з Волочком — с Волочком, Юлка — Юлька), могут трактоваться и как разночтения, внесенные при переписывании с «черновика» в грамоту № 15 (22), и как изменения, появившиеся в копии (грамоте № 16) в процессе переписывания текста оригинала⁴³. Наличие в грамоте № 16 отсутствующих в грамоте № 15 (22) союзов и частиц («Островское и с Орининским», «въ Юрьевѣ же село») может говорить как о сокращениях в грамоте № 15 (22), так и о добавлениях в грамоте № 16. Разный порядок слов (в случаях с Муромом, «новым двором за городом», нижегородскими «пошлинами») также не показывает, какая из грамот первична: в двух первых случаях более исправным выглядит чтение грамоты № 16, а в третьем — грамоты № 15 (22). Разной трактовке поддаются и случаи описок в обеих грамотах — «своеи кнакнагинѣ» в грамоте № 15 (22) и «село Ивановское» в грамоте № 16. В. А. Кучкин в первом случае чтение грамоты № 15 (22) трактует как описку при работе ее писца над грамотой № 16, а во втором неправильное чтение такого же типа (повтор начальной части слова) уже в грамоте № 16 расценено, наоборот, как первоначальное, исправленное в грамоте № 15 (22) [Кучкин, 2016, с. 43]. Ничто, разумеется, не мешает обратной интерпретации, исходящей из первичности грамоты № 15 (22): в первом случае в грамоте № 15 (22) была допущена описка, исправленная в ее копии (грамоте № 16), во втором грамота № 15 (22) содержала правильное чтение, а при написании копии переписчик допустил ошибку.

В данной ситуации, когда отсутствуют надежные текстологические основания для выводов о том, какая из двух грамот написана ранее другой, нет причин не доверять писцу их обеих, Алексею Стромилу, который определил грамоту № 16 как «[С]е список с тое грамоты, что пошла к великому князю к Витовту с Олексѣем в [л]ѣто 30 первое, з середохрестѣ». Значение 'черновик' у слова «список» не зафиксировано⁴⁴; тем более невозможно его допустить при

№ 13 (21) и 15 (22) говорится о передаче Софье Витовтовне половины «пошлин моих всѣх», в то время как в грамоте № 16 — «пошлин всѣх моих». Оба примера не могут свидетельствовать о непосредственной связи грамот № 13 (21) и 15 (22): в грамоте № 16 в первом случае налицо явная описка, во втором — неверный порядок слов; соответственно писец грамоты, составившейся позже нее и на ее основе, мог исправить эти ошибки без обращения к тексту более ранней грамоты.

⁴³ Отметим, впрочем, что в некоторых из перечисленных случаев (Белеутовские — Белеутовские, Софѣѣ — Софѣѣ, Юлка — Юлька) чтение грамоты № 16 выглядит более исправным вариантом, а в случае с нижегородскими селами, которые Василий «подавал» Софье Витовтовне, — более точным фактически, так как эти не названные поименно села, скорее всего, тождественны тем, которые завещал великий князь супруге (и именно во множественном числе) в первой (1406–1407 г.) духовной грамоте: «а в Новѣгороде Нижнем Алачинские села да Мангачь» (ДДГ. № 20. С. 56). В ситуации, когда обе грамоты написаны одним лицом, это свидетельствует скорее в пользу первичности грамоты, содержащей неточные чтения, то есть грамоты № 15 (22), поскольку при повторном переписывании собственного текста человеку (тем более профессиональному писцу) свойственно исправление своих ошибок, а не умножение их.

⁴⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. III. Стб. 793; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2006. Вып. 27. С. 38–39.

наличии предлога *с*: «*список с грамоты*» может означать только копию с нее. Вряд ли писец мог перепутать, какая из написанных им грамот списана с другой. Причина изготовления копии очевидна: оригинал должен был быть увезен за пределы владений Василия I, в пути всякое может случиться, и необходимо, чтобы в Москве оставался второй экземпляр.

Но если грамота № 16 — копия с грамоты № 15 (22), то возможно только одно объяснение большей близости грамоты № 13 (21) с грамотой № 16, а не № 15 (22): грамота № 13 (21) создана позже на основе текста грамоты № 16, то есть писец грамоты № 13 (21) работал с текстом не оригинала, а копии с предыдущей грамоты. Если бы грамота № 13 (21) была более ранней, на основе которой затем создана грамота № 15 (22), то в копии последней (грамоте № 16) не могли бы появиться многочисленные чтения, совпадающие с грамотой № 13 (21), так как для переписки с текста грамоты № 15 (22) не было бы нужды привлекать более ранний текст — грамоту № 13 (21)⁴⁵.

Таким образом, текстологические аргументы склоняют к мнению о более позднем происхождении грамоты № 13 (21). При этом бесспорно доказанное В. А. Кучкиным текстуальное сходство грамоты № 13 (21) с грамотой № 16, при признании справедливости указания писца, что эта грамота есть список с грамоты № 15 (22) (сомневаться в чем, еще раз подчеркнем, нет оснований), является, по сути дела, неопровержимым аргументом в пользу этого.

Теперь вернемся к доводам, касающимся формулировок о великом княжении и Нижнем Новгороде. По мнению В. А. Кучкина, при составлении в 1420—1421 г. грамоты № 13 (21) пункт о Нижнем Новгороде был сформулирован неопределенно под давлением брата Василия I Константина и троюродных братьев — серпуховских Владимировичей, претендовавших на часть нижегородской территории, а в 1423 г. при составлении грамоты № 15 (22) под давлением братьев и тех же Владимировичей был неопределенно сформулирован пункт о великом княжении. В такой аргументации присутствуют два противоречия. Если под давлением родственников в 1420—1421 г. Василий I написал только о возможности владения и передачи Нижнего Новгорода, то почему позже он это давление отверг, но при этом поддался давлению (тех же лиц!) в гораздо более важном вопросе — о великом княжении? Кроме того, Константин Дмитриевич (по реконструкции В. А. Кучкина [Кучкин, 2016, с. 50—52]) и Владимировичи (по данным источников, см.: [Горский, 2004, с. 155—156; Кучкин, 2016, с. 48—50]) претендовали, как считает В. А. Кучкин [Кучкин, 2016, с. 48—52], на *части* бывшего Нижегородского княжества (Владимировичи — на Городец), но не на сам Нижний Новгород, который оставался в руках Василия Дмитриевича. Почему бы тогда в грамоте № 13 (21) не написать о принадлежности себе и предполагаемом переходе к Василию Васильевичу собственно Нижнего Новгорода? Формулировка грамоты № 13 (21) — «А оже ми дасть Богъ Новъгородъ Нижнии, и язъ и Новымъгородомъ Нижнимъ благ(о)словлаю с(ы)на своего, княза Васильа» — понятна, только если на момент составления завещания сам Василий Дмитриевич *не* владел *самим* Нижним Новгородом.

Интерпретация, исходящая из более позднего происхождения грамоты № 13 (21), подобных противоречий лишена. В феврале 1423 г., при составлении грамоты № 15 (22), Василий I не был уверен, как и ранее, в переходе после его смерти к сыну великого княжения, поскольку этому противоречило положение завещания Дмитрия Донского, и пункт о великом княжении был сформулирован примерно так же, как в первом завещании (1406—1407 г.)⁴⁶. В отношении Нижнего Новгорода тогда сомнений не было, и о его переходе к Василию Васильевичу сказано уверенно. Но после поездок Фотия и Софьи Витовтовны с Василием Васильевичем к Витовту

⁴⁵ Обращение к более ранним грамотам, чем та, которая является непосредственной предшественницей, может быть оправдано, если составляется *новый* документ, но не имеет смысла при написании копии, поскольку в этом случае задачей является простое повторение текста, а не редактирование.

⁴⁶ «А дасть Богъ с(ы)ну моему Ивану княжен(ь)е великое держати» (ДДГ. № 20. С. 56).

ситуация изменилась. С одной стороны, были получены заверения поддержки со стороны Витовта и ярлык от хана Улуг-Мухаммеда на великое княжение для сына: это позволяло уверенно сформулировать пункт о великом княжении. С другой стороны, тот же хан пожаловал Нижний Новгород Даниилу Борисовичу, и теперь о передаче Нижнего Новгорода сыну можно было написать только в форме пожелания. В результате появилась грамота № 13 (21). В отличие от грамоты № 15 (22), к которой была привешена только печать Витовта (что свидетельствует, что она осталась проектом, не утвержденным самим великим князем московским), ее сопровождали печати Василия Дмитриевича, трех его братьев и великого князя литовского.

Время составления грамоты № 13 (21) можно было бы уточнить, определив, когда именно Даниил Борисович получил нижегородское княжение. Описание сборника, составленного для игумена Нижегородского Печерского монастыря, указывает, что он уже находился на нижегородском княжении 20 января 6932 г. Однако неясно, подразумевается мартовский или сентябрьский год: между тем при мартовском годе январь 6932 г. соответствует январю 1425 г., а при сентябрьском — 1424 г. В. А. Кучкин утверждает, что переход к сентябрьскому стилю произошел только в 1430-е годы [Кучкин, 2016, с. 45]. Но это верно в отношении летописей. В памятниках церковной книжности и в актах сентябрьский стиль применялся и раньше. Например, жалованная грамота отца Даниила Борисовича, князя Бориса Константиновича, Нижегородскому Благовещенскому монастырю датирована декабрем 6902 г.⁴⁷, и этот год — сентябрьский (то есть речь идет о декабре 1393 г.): в декабре мартовского 6902 г., то есть в декабре 1394 г., Бориса уже не было в живых (он умер 2 мая 1394 г.)⁴⁸. Таким образом, возможны оба варианта. В другом источнике, свидетельствующем о нижегородском княжении Даниила, — его жалованной грамоте Благовещенскому монастырю⁴⁹ — дата в списках XVII—XVIII в. читается как «маиа в 8 того лета, коли князь великий Данило Борисович вышол на свою отчину от Махметя царя в другой ряд»⁵⁰. Зафиксированный в правой грамоте 1628 г. перечень грамот, выданных Благовещенскому монастырю, дает неверную дату 6950 г. Между тем все другие даты в перечне правильны⁵¹. Это значит, что дата 6950 г. не взята с потолка, а является результатом неверного прочтения плохо читающейся цифры в списке, хранившемся в Благовещенском монастыре⁵².

С точки зрения палеографии проще всего допустить, что цифра 6950 (ꙗꙗꙗ) стала результатом неверного прочтения цифры ꙗꙗꙗꙗ (6933) — из-за нечитаемости горизонтальной черты у буквы г. В этом случае речь идет о мае 1425 г. В описании сборника Печерского монастыря год тогда может быть только мартовский, и тамошнее 20 января 6932 г. соответствует 20 января 1425 г. (так как если бы год был сентябрьский и речь шла о январе 1424 г., это не согласовалось бы с указанием в жалованной грамоте, что она дана в тот год, когда Даниил занял нижегородский стол, — этот год начинался в сентябре 1424 г.). Дата жалованной грамоты в этом случае под годом, в который Даниил Борисович «вышел на свою отчину», подразумевает сентябрьский 6933 г., так как при мартовском годе он сделал бы это не ранее марта 1425 г., чему противоречит дата из описания сборника (январь). Приход Даниила на нижегородское княжение может быть отнесен при таких датировках ко времени не ранее осени 1424 г. Соответственно, составление грамоты

⁴⁷ АФЗХ. Ч. 1. № 229. С. 201–202.

⁴⁸ Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 444, примеч. 3.

⁴⁹ В. А. Кучкин не комментирует эту грамоту, рассматривает только описание сборника Печерского монастыря и пыгается подвергнуть сомнению, что в нем имеется в виду пребывание Даниила Борисовича на столе Нижнего Новгорода [Кучкин, 2016, с. 43–45]. Но главным свидетельством о его вокняжении является именно жалованная грамота, описание сборника только помогает датировать это событие.

⁵⁰ АФЗХ. Ч. 1. № 233. С. 205.

⁵¹ Ср.: АСЭИ. Т. 3. № 294. С. 320–321; АФЗХ. Ч. 1. № 229, 230, 231, 232, 233, 236, 245, 246. С. 201–206, 210–211.

⁵² О случаях неправильного прочтения дат копиистами в грамотах, выданных Благовещенскому монастырю, см.: [Кучкин, 1968, с. 327–329].

№ 13 (21) следовало бы отнести ко второй половине 1424 или самому началу 1425 г., так как приход Даниила в Нижний Новгород вряд ли очень надолго отстоял от момента получения им ханского ярлыка. Но возможен и вариант, что 𐍆𐍅𐍆𐍅 (6932) — из-за нечитаемости полукружии буквы в. В этом случае речь идет о мае 1424 г. Соответственно, время прихода на княжение Даниила Борисовича при сентябрьском годе датируется тогда временем с сентября 1423 г., при мартовском — с марта 1424 г., а дата 20 января 6932 г. в описании сборника может быть и январем 1424 г. (при сентябрьском стиле), и январем 1425 г. (при мартовском стиле). При таком варианте можно допустить составление грамоты № 13 (21) и в первой половине 1424 г., и во второй половине 1423 г. Таким образом, свидетельства о княжении в Нижнем Новгороде Даниила Борисовича надежных оснований для уточнения времени написания последнего завещания Василия Дмитриевича не дают.

Тем не менее обращают на себя внимание в связи с данной проблемой два обстоятельства. Во-первых, грамота № 13 (21) составлялась другим писцом, чем грамоты № 15 (22) и № 16, хотя Алексей Стромилев по возвращении из Литвы продолжал дьяческую карьеру [Савосичев, с. 92–99], и поручить эту работу ему, хорошо знакомому с текстом предшествующего завещания, было бы естественно. Во-вторых, Тимофей Ачкасов работал не с оригиналом предшествующего завещания — грамотой № 15 (22), а с копией (грамотой № 16). Не потому ли грамота № 15 (22) и ее писец оказались не задействованы при составлении грамоты № 13 (21), что на момент начала работы над ней еще не вернулись в Москву из Великого княжества Литовского? Известно, что митрополит Фотий, вместе с которым отправился в путешествие Алексей Стромилев, еще в конце лета 1423 г. находился далеко за пределами московских владений: в расходной книге городского совета города Казимежа под Краковом между записями о предоставлении подвод для королевского двора, датируемыми 29 июля и 10 сентября, упоминается о посылке вина по распоряжению короля Ягайло «митрополиту Киевскому» (то есть Фотию) в Галич⁵³. Таким образом, после встречи в марте с Витовтом Фотий предпринял длительную поездку по подчиненным ему епархиям на территории Великого княжества Литовского и Польского королевства (куда входила Галицкая земля). Между тем Софья Витовтовна с Василием Васильевичем, выехавшие в Смоленск между 7 и 25 марта⁵⁴, встретиться с Витовтом должны были не позже начала апреля, следовательно, к маю уже были дома. Оснований утверждать, что они и Фотий виделись с Витовтом в одно время и в одном месте, источники не дают. Софья и Василий, как следует из летописного известия, встречались с великим князем литовским в Смоленске, но в отношении Фотия, выехавшего из Москвы раньше, такого указания нет⁵⁵, следовательно, он мог встретиться с Витовтом на его пути из Вильно или Трок в Смоленск (или, проведя с ним переговоры в Смоленске, затем отправиться в поездку по епархиям, не дождавшись великой княгини). Соответственно, ничто не заставляет предполагать переход Алексея Стромилева с грамотой № 15 (22) из делегации Фотия в делегацию великой княгини: скорее всего, писец продолжал сопровождать митрополита в его поездке по русским землям Литовского и Польского государств, и грамота оставалась все время этого вояжа при нем⁵⁶. Василий I, получив заверения в поддержке от тестя и ярлык от Улуг-Мухаммеда на великое княжение для сына, а также одновременно известие о передаче ханом Нижнего Новгорода Даниилу Борисовичу, вполне вероятно, не стал дожидаться возвращения Фотия и Стромилева

⁵³ Podwoły kazimierskie 1407–1432. S. 424: «Item III equos in curru, in quo ducebatur vinum de Cracovia metropolitano Kyoviensi in Halicz, dedimus versus Bochnam ad mandata regis X scot.».

⁵⁴ См. примеч. 6.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 245–246 (см. текст известия выше, в примеч. 6). Ср.: ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 181–182; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 96.

⁵⁶ Самостоятельное возвращение Стромилева в Москву маловероятно: наличие при нем столь важного документа, как завещание великого князя, требовало серьезного вооруженного эскорта, который, несомненно, был у митрополита, но не мог оказаться в распоряжении писца.

с грамотой № 15 (22), а поручил Тимофею Ачкасову начать работу над новым завещанием, взяв за основу текст грамоты № 16. Завершено же составление грамоты № 13 (21) было по возвращении Фотия, так как его греческая подпись на грамоте сделана до написания последней фразы, следующей после указания имени писца: «А кто сю мою грамоту порушит, судит ему Б(о)гъ, а не буди на немъ моего бл(а)г(о)с(лове)нья в сии вѣкъ, ни в будущи» (см.: [Полехов, с. 190]). В предшествующих духовных грамотах Василия Дмитриевича этой заключительной формулы нет, обе они оканчиваются указанием на писца⁵⁷; поэтому возможно, что подпись Фотия и санкция за «порушение» грамоты были приписаны спустя продолжительное время после составления ее основного текста. В случае, если приведенные суждения верны, написание грамоты № 13 (21) относится к маю или лету 1423 г.⁵⁸, а завершение ее оформления — ко времени ближе к концу 1423 г.⁵⁹

Итак, последним по времени завещанием Василия I являлась грамота № 13 (21). После составления грамоты № 15 (22) в феврале 1423 г., перед отъездом с ней в начале марта митрополита Фотия и писца Алексея Стромилова в Великое княжество Литовское к Витовту, с этой грамоты была сделана копия (грамота № 16). Но состоявшаяся в конце марта или начале апреля встреча с Витовтом в Смоленске великой княгини Софьи и наследника Василия изменила ситуацию. Правитель Литовского государства обещал поддержать права своего внука на Московское великое княжение, а союзник Витовта хан Улуг-Мухаммед выдал для Василия Васильевича ярлык на него, но одновременно выделил из великого княжения Нижегородское княжество, передав его Даниилу Борисовичу. В результате между серединой 1423 и началом 1425 г. (очень вероятно, еще в 1423 г.) была составлена грамота № 13 (21), где, в отличие от предшествовавших завещаний, о передаче великого княжения Василию Васильевичу говорилось уверенно, а о переходе к нему Нижнего Новгорода — только как о возможном, в случае, если Василий I снова им завладеет. При создании нового завещания писец работал с грамотой № 16 — копией с предыдущего завещания. Именно грамота № 13 (21), скрепленная печатями великого князя, его братьев и его тестя Витовта, стала утвержденным и действующим завещанием Василия Дмитриевича.

Литература

- Беспалов Р. А. Литовско-московские отношения 1392–1408 годов в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I // *Средневековая Русь*. М., 2016. Вып. 12. С. 129–182.
- Богданов С. В. Конфликт Василия I с князем Константином Дмитриевичем // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2013. № 3 (53). С. 20–22.
- Веденеева Н. Е. К вопросу о датировке духовных грамот Василия I Дмитриевича // *Вестник Астраханского государственного технического университета. Гуманитарные науки*. Астрахань, 2002. С. 18–21.
- Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.
- Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // *Средневековая Русь*. М., 2004. Вып. 4. С. 130–170.
- Горский А. А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII — XV в. М., 2010.
- Греков И. Б. К вопросу о датировке так называемой «второй духовной грамоты» московского князя Василия I // *Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова*. М., 1963. С. 141–145.

⁵⁷ ДДГ. № 20. С. 57; № 22. С. 62.

⁵⁸ Соответственно, приход Даниила Борисовича «на свою отчину» следует тогда отнести к началу сентябрьского 6932 г., то есть к осени 1423 г.

⁵⁹ Известно, что предшествующая поездка Фотия по епархиям на территории Великого княжества Литовского и Польши — в 1420–1421 г. — заняла около девяти месяцев (и Галич тогда был далеко не последним среди посещенных им мест) (ПСРЛ. Т. 35. С. 56; [Иванов, с. 83]). Исходя из такого расчета, возвращение митрополита в Москву следует отнести к поздней осени 1423 г.

- Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV веков // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 275–324.
- Иванов Д. И.* Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 79–115.
- Каменцева Е. И.* Хронология. М., 2003.
- Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
- Кучкин В. А.* Подделки действительные или мнимые? // Славяне и Русь. М., 1968. С. 320–330.
- Кучкин В. А.* Антиклассицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13). С. 112–130.
- Кучкин В. А.* Три завещания Василия I // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2 (64). С. 33–54.
- Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV вв. М., 2008.
- Полехов С. В.* Последние завещания Василия I и печати Витовта // Средневековая Русь. М., 2016. Вып. 12. С. 183–200.
- Пономарева И. Г.* К хронологии завещаний московского великого князя Василия Дмитриевича // Русское средневековье. Сборник статей в честь профессора Ю. Г. Алексева. М., 2012. С. 103–111.
- Савосичев А. Ю.* Дьяки и подъячие XIV – первой трети XVI вв.: Происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел, 2013.
- Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
- Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1; М., 1951. Ч. 2.